

18+

Мария Семкина

ХРАМ НАУКИ

Мария Семкина

Храм науки

«Издательские решения»

Семкина М.

Храм науки / М. Семкина — «Издательские решения»,

Книга о том что будет, если не будет высшего образования, фантастическое
исчезновение институтов, университетов, и неожиданный конец...

© Семкина М.

© Издательские решения

Содержание

Храм науки	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Храм науки

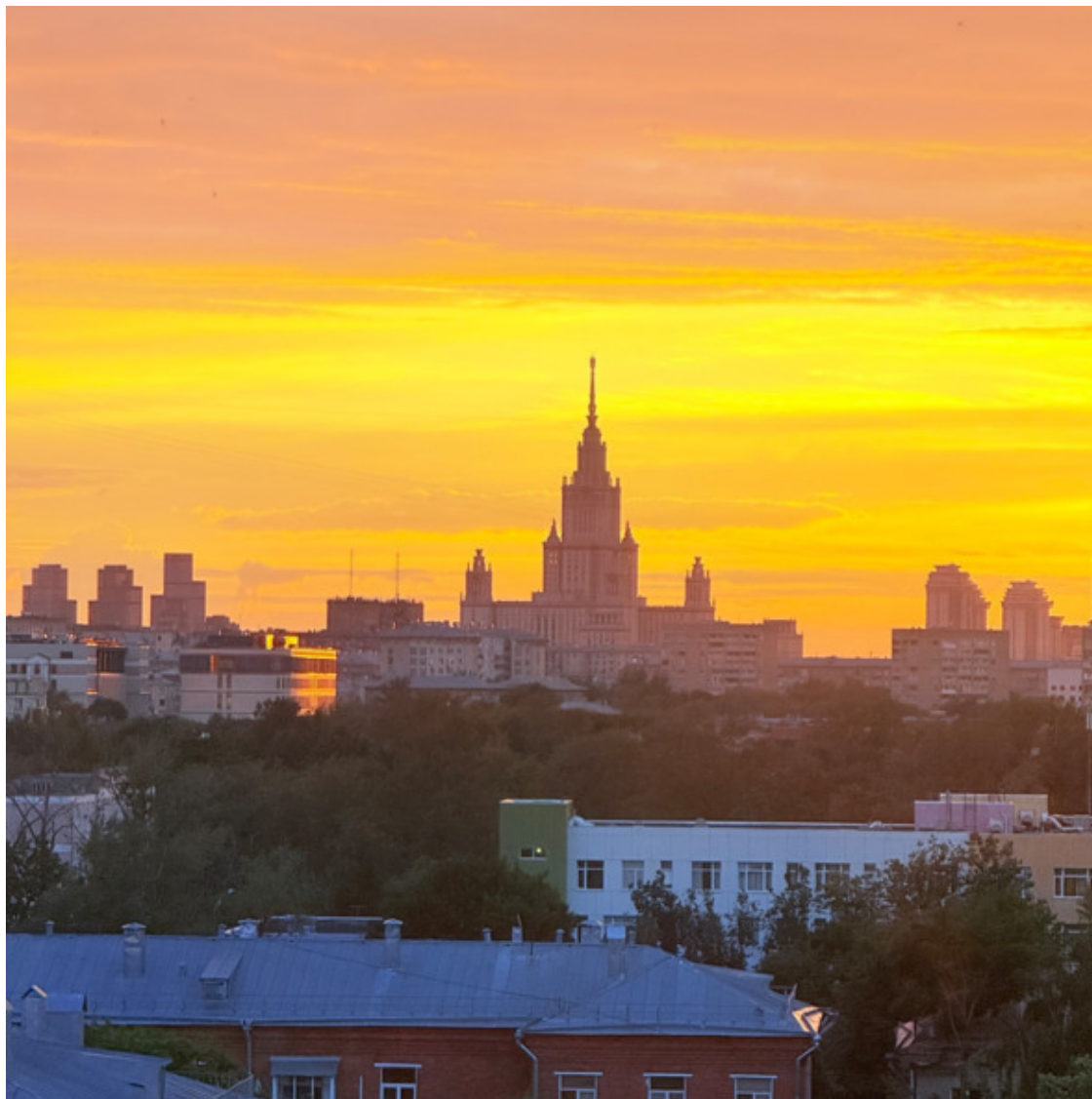
Мария Семкина

© Мария Семкина, 2026

ISBN 978-5-0070-9106-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Храм науки

Так вышло, что я переехала жить в столицу и потихоньку выкупила квартиру без ремонта по комнатам недалеко от известного всем университета... Через несколько лет затеяли ремонт в квартире... Было сложно там жить, и я сняла рядом другую — с видом на этот самый университет.

Каждое утро я просыпалась под гул большого города, который здесь звучал иначе — будто был приправлен шёпотом лекций, топотом спешащих студентов и скрипом старых дверей в лекционных залах. Из окна было видно, как по брусчатке бегут первокурсники с огромными папками, как у памятника вечно кто-то фотографируется, а по вечерам окна университета загораются тёплым жёлтым светом — будто сам дом дышит знаниями.

Я часто стояла у окна с чашкой чая и думала: странно, но именно этот вид стал для меня чем-то вроде якоря. В той квартире, где шёл ремонт, всё было в пыли и коробках, время будто застыло, а здесь, в съёмной, оно снова пошло вперёд. И пусть я не училась в этом университете, не знала имён профессоров и не ходила по его коридорам, он стал моим молчаливым ориентиром: если там всё ещё горят огни, значит, мир не остановился.

Иногда по выходным я спускалась вниз и шла вдоль ограды, прислушиваясь к обрывкам разговоров: кто-то спорил о философии, кто-то нервно повторял формулы, а кто-то просто смеялся, радуясь, что сдал зачёт. В эти моменты мне казалось, что я тоже причастна к этому месту — не как студентка и не как выпускница, а как человек, который просто очень хотел верить, что знания и упорство чего-то стоят.

Университет будто задавал ритм всему кварталу — и даже чуть дальше.

По утрам район просыпался не с крика петуха, а с торопливых шагов: студенты неслись по тротуарам, задевая плечами фонарные столбы, шуршали страницами конспектов на ходу, спорили о чём-то важном и нелепом одновременно. Из-за этого даже самые сонные пекарни открывались раньше обычного, а в крошечном киоске у остановки к восьми утра всегда заканчивались самые крепкие сорта кофе — его разбирали те, кто всю ночь сидел над курсовой.

Владельцы ларьков и магазинчиков давно выучили расписание сессий: в мае ассортимент шоколадок и энергетиков увеличивался вдвое, а ближе к декабрю в лавке у метро появлялись стопки тёплых шарфов и перчаток — студенты вечно забывали их дома. Хозяйка цветочной палатки напротив главного входа знала, что в начале сентября нужно ставить у витрины стопки учебников по высшей математике, чтобы создать «академическую атмосферу» — и это действительно работало: букеты покупали чаще.

Даже старые дома, казалось, прислушивались к жизни университета. В соседнем подъезде жила пожилая преподавательница истории, и её балкон всегда был заставлен ящиками с геранью — она говорила, что цветы помогают ей «не терять связь с весной», даже когда за окном метель. По вечерам из её квартиры доносился тихий голос: она репетировала лекции, и этот голос будто пропитывал стены, оседал на подоконниках, смешивался с запахом старой штукатурки и чая.

А ещё университет менял свет в окнах. В обычные дни город мерцал хаотично, как будто каждый дом жил своей жизнью. Но в дни защиты дипломов или больших конференций свет загорался иначе: не просто чтобы разогнать темноту, а как будто подсвечивая важность момента. В моей съёмной квартире я замечала это особенно остро — будто сам воздух становился плотнее от напряжения и надежды. Кто-то в этот вечер сдавал экзамен, кто-то впервые выступал перед аудиторией, кто-то решался признаться в любви или, наоборот, попрощаться с мечтой. И весь квартал, сам того не замечая, дышал в такт этим событиям.

Однажды я увидела, как из главного корпуса поздно вечером вышла группа студентов — они смеялись, обнимались, кто-то подкидывал в воздух конфедератку. Их радость разлилась по улице, зацепилась за витрины, отразилась в мокром асфальте. И вдруг весь город показался не таким чужим. Будто университет не просто стоял посреди столицы — он был её сердцем, которое билось громко, неровно, но уверенно, и заставляло биться чуть быстрее даже те дома, что стояли поодаль. Однажды в середине октября случилось совсем небольшое происшествие — но оно будто на минуту сместило привычную ось района.

Я как раз возвращалась из магазина, неся в каждой руке по тяжёлому пакету, и остановилась у перекрёстка, чтобы перевести дух. В тот день небо было низкое, серое, и казалось, что город вот-вот начнёт моросить дождём. Прямо напротив университета, у самой ограды, сутилась группа студентов: кто-то держал в руках рулон ватмана, кто-то пытался удержать на ветру картонную конструкцию, а один парень в растянутом свитере отчаянно махал руками, будто пытался дирижировать этой неразберихой.

Оказалось, они готовили стенгазету к какой-то факультетской дате — что-то про историю науки. Но ветер решил, что у него свои планы: в один миг он вырвал из рук девушки стопку распечатанных листов и понёс их по тротуару, словно стаю испуганных птиц. Листы разлетались веером: один прилип к витрине цветочного магазина, другой закружился у ног прохожего, третий плавно опустился прямо в раскрытую сумку пожилой женщины, которая невозмутимо шла мимо с авоськой.

И тут район будто подхватил эту маленькую беду и стал её исправлять. Из ближайшей кофейни выскочил бариста — он не допил свою смену, но тут же бросился собирать листы. Продавец из киоска у остановки вышел на пять минут «только глянуть», а потом остался помогать. Даже строгая консьержка из соседнего дома, обычно ворчавшая на студентов за шум, вышла с метёлкой — не то чтобы подметать, а чтобы «навести порядок в этом бедламе».

А студенты, вместо того чтобы растеряться, вдруг заулыбались. Тот парень в свитере, который ещё минуту назад выглядел так, будто сейчас сорвётся на крик, теперь смеялся и говорил: «Ну вот, теперь это не стенгазета, а перформанс!» И правда — казалось, что сам город подыграл им, устроил маленькое испытание, а потом сам же и помог его пройти.

Листы собрали, кое-что пришлось склеивать скотчем прямо на ходу, но в итоге стенгазету всё-таки повесили — немного помятую, с пятнами от капель, но живую. И когда я вечером выглянула в окно, она всё ещё висела под фонарём, и свет падал на неё так, будто это был не просто лист бумаги, а маленький знак того, что здесь всё держится не только на лекциях и сессиях, а ещё и на таких вот случайных, но очень нужных мгновениях.

В тот вечер дождь всё-таки пошёл — не ливень, а такой неторопливый, осенний, от которого мостовые темнеют, а свет фонарей становится мягче. Я стояла под козырьком у подъезда, не торопясь уходить: в квартире было пусто и слишком тихо, а тут, среди капель и жёлтого света, город будто шептал что-то привычное и успокаивающее.

Рядом, прижавшись к стене, чтобы не мокнуть, стояли двое — парень и девушка. Они не замечали меня, да и вообще, казалось, никого вокруг. Девушка куталась в тонкий шарф, а парень держал над ними один на двоих зонт, который уже не справлялся с дождём: вода стекала по краю и капала прямо на кроссовки.

— Я не смогу, — тихо сказала девушка, глядя куда-то в сторону, будто разговаривала не с ним, а с самой улицей. — У меня не получится. Все смотрят, все ждут, а я... я просто забываю слова.

Парень не стал говорить «ты справишься» или «всё будет хорошо» — эти фразы тут звучали бы фальшиво, как заученные реплики из старого фильма. Вместо этого он сказал:

— А ты не смотри на всех. Смотри на одного человека. На кого-нибудь, кто точно будет тебе рад. Хоть на меня. Я буду стоять в первом ряду, даже если меня туда не пустят. И я не буду хлопать, чтобы ты не сбилась. Просто буду там.

Девушка чуть улыбнулась — так, будто эта улыбка была тяжёлой, но нужной, как тёплый свитер в холодный день.

— Ты всегда так говоришь. И знаешь, почему это работает? Потому что ты правда придёшь. Даже если будет дождь, даже если скажут, что вход только по пропускам, даже если ты опоздаешь на последнюю электричку. Ты просто... будешь.

Он пожал плечами, будто это совсем не подвиг, а обычное дело:

— Ну а кто, если не я? Мы же договорились: если одному страшно, другой держит зонт.

Они помолчали, слушая, как дождь стучит по металлу козырька, по зонту, по крышам. Потом девушка вздохнула, уже спокойнее, будто с плеч упало что-то тяжёлое.

— Ладно. Тогда я попробую. Не ради всех. Ради тебя. И... ради себя тоже.

И тут случилось маленькое чудо, почти незаметное: из-за угла, тряся мокрой шерстью, выскочил рыжий кот. Он замер под фонарём, встряхнулся, посмотрел на них, будто оценивая, можно ли тут найти кусочек колбасы, и, не найдя, важно прошёл мимо, оставив на мокром асфальте цепочку крошечных следов.

Девушка рассмеялась — тихо, но искренне, и этот смех стёр остатки напряжения.

— Даже кот считает, что всё не так уж плохо, — сказал парень и чуть подвинул зонт, чтобы прикрыть её ещё лучше.

Я стояла, почти не дыша, боясь спугнуть этот момент, и вдруг почувствовала, как внутри что-то тихо щёлкнуло, встало на место. Их разговор не был адресован мне, я его подслушала

случайно, но он оказался именно тем, что мне в тот вечер было нужно услышать: не громкие обещания, а простое, тихое «я буду рядом».

Когда они ушли, держась за руки и стараясь уместиться под одним зонтом, я ещё немного постояла под козырьком, а потом пошла домой. И в квартире уже не было так пусто, будто этот разговор принёс с собой немного тепла и света — как будто университет и весь этот район делились им со всеми, кто готов был прислушаться.

Я стояла под козырьком, слушала этот тихий разговор про «я буду рядом» — и вдруг будто провалилась на несколько лет назад.

Мне вспомнился один зимний вечер в нашем старом дворе. Тогда я только-только начала ходить после реабилитации — шаги были неуверенные, короткие, и каждый раз, когда я пыталась пройти чуть дальше, внутри всё сжималось от страха: а вдруг опять не получится, а вдруг упаду, а все увидят.

Мама тогда не говорила мне «ты сможешь», не подбадривала громкими словами. Она просто шла рядом, не спеша, будто у нас впереди была целая вечность. Не держала крепко за руку — знала, что если будет сжимать слишком сильно, я испугаюсь ещё больше. Просто держала ладонь где-то рядом, чтобы я могла схватиться, если станет страшно. И ещё она придумала маленькую игру: мы считали фонари. «Дойдём до третьего — и можно постоять. До пятого — можно попить воды из термоса». И я шла, потому что знала: она никуда не уйдёт, будет стоять и ждать, сколько нужно.

А однажды я всё-таки споткнулась. Прямо у подъезда, на обледеневшей ступеньке. Мир на секунду стал слишком громким и резким, и я подумала, что теперь всё пропало, теперь я точно не смогу. Но мама не стала торопить, не стала поднимать меня с упрёком. Она присела рядом, прямо на холодную плитку, и сказала спокойно: «Хочешь, посидим тут минуту? Никто не торопится». И мы посидели. А потом она просто предложила: «Если хочешь, можешь держаться за мой рукав. Совсем чуть-чуть, только чтобы почувствовать, что он тут». И этого хватило. Я встала, вцепилась пальцами в грубую ткань её пальто — и сделала ещё шаг. Потом ещё один. И ещё.

И вот теперь, слушая, как парень под дождём говорит девушке: «Я буду стоять в первом ряду, даже если меня туда не пустят», я вдруг поняла, что это то же самое. Не громкие слова про победы, не обещания, что всё будет легко. А тихое, надёжное: «я тут».

Я улыбнулась, сама того не замечая, и запах мокрого асфальта вдруг смешался с каким-то далёким, почти забытым ощущением — когда знаешь, что падать не страшно, потому что рядом есть тот, кто не станет торопить.

Дождь потихоньку стихал, фонари горели всё так же ровно, и мне показалось, что университет, этот шумный, вечно спешащий квартал, на самом деле хранит в себе тысячи таких маленьких историй про поддержку. И, может быть, именно в этом и есть его настоящая наука — не в формулах и лекциях, а в умении быть рядом, когда другому страшно сделать шаг.

В тот день я ехала в автобусе после долгой прогулки по району — ноги гудели, в ушах ещё стоял городской шум, и я пыталась просто ни о чём не думать, глядя, как за окном мелькают фонари и витрины. Автобус был полупустой: кто-то уткнулся в телефон, кто-то смотрел в окно, а на сиденьях ближе к середине тихо разговаривали двое — мужчина в тёмном пальто и женщина с толстой папкой на коленях.

Сначала я не прислушивалась. Но потом прозвучало слово «грибок», потом «война», и что-то в их интонации заставило меня невольно задержать дыхание и чуть повернуть голову.

— ... Именно тогда и началось. Во время войны, когда людей массово перемещали, когда они жили в переполненных эшелонах, в сырых землянках, в госпиталях, где не хватало даже мыла, — говорила женщина, чуть наклоняясь вперёд, будто хотела, чтобы её слова звучали убедительнее. — Тогда и завезли штаммы, которых раньше здесь не было. Чужие грибки, привыкшие к другому климату, к другой воде, к другой плотности населения.

Мужчина хмурился, потирая подбородок:

— Но ведь грибки везде есть. Они в почве, в воздухе...

— Да, но не все одинаково опасны, — перебила она, не резко, а как человек, который тысячу раз объяснял одно и то же и всё равно хочет, чтобы поняли правильно. — И не все одинаково ведут себя в организме. Мы собираем данные по регионам: в одних местах чаще встречается один тип поражения, в других — совсем другой. И если посмотреть на карту миграций сороковых, на эвакуационные маршруты, на лагеря военнопленных, на госпитали в тылу — там, где проходили эти потоки, сегодня мы видим аномалии. Не совпадения. Закономерности.

Она открыла папку, вытащила лист с картой, на которой были расставлены цветные метки.

— Вот здесь, например, в районе старого эвакуационного пункта, частота определённого вида микозов до сих пор выше среднего. Не на проценты — на порядки. Как будто почва, стены, сама память места хранит этот след.

Мужчина помолчал, потом тихо спросил:

— Ты хочешь сказать, что война оставила не только могилы и памятники, но и... невидимые следы в наших телах?

Женщина закрыла папку, вздохнула, и в этом вздохе было столько усталости и одновременно упорства, что мне вдруг стало не по себе.

— Я хочу сказать, что наука — это не только формулы на доске. Это ещё и умение видеть, как прошлое пробирается в настоящее. Иногда — через споры в воздухе. Иногда — через статистику, которую никто не хотел замечать.

Автобус плавно затормозил, дверь открылась, и они вышли вместе, унося с собой эту папку, эту карту, эту странную, тяжёлую мысль. А я осталась сидеть, чувствуя, как внутри медленно разворачивается что-то новое — будто я вдруг увидела университет и весь этот город совсем под другим углом.

Не просто как место, где учат и сдают экзамены, а как лабораторию, где прошлое и настоящее постоянно смешиваются. Где каждый район хранит свои невидимые истории — не только в старых письмах и мемуарах, но и в данных, в картах, в сухих научных терминах, за которыми стоят судьбы тысяч людей.

И этот случайный разговор в автобусе странным образом перекликался с тем, что я подслушала под дождём: и там, и тут речь шла о следах. Только если в первом случае это был след человеческой поддержки — тёплый, спасающий, дающий силы сделать шаг, — то здесь был след другой: холодный, упрямый, оставленный историей, которую нельзя игнорировать.

Я смотрела в окно, на огни университета, и думала: может быть, именно в этом и есть смысл всей этой «науки», в которую я так невольно выросла вместе с этим районом. Не в том, чтобы знать всё. А в том, чтобы замечать. Слышать. И не отворачиваться от того, что звучит тихо — будь то признание в поддержке или сухая строчка в научной работе.

Через пару дней после того разговора в автобусе я всё ещё ловила себя на том, что мысленно возвращаюсь к словам той женщины про «невидимые следы». И однажды, проходя мимо университетской библиотеки, не выдержала — зашла.

Внутри пахло старой бумагой и чем-то терпким, как будто само время оседало здесь слоями. Я подошла к стойке и спросила у библиотекаря, есть ли что-нибудь про эпидемиологию в военные годы, про санитарные условия в госпиталях, про бытовые инфекции. Библиотекарь посмотрела на меня с лёгкой улыбкой — будто знала, что такие вопросы редко задают просто из любопытства.

— А вы к кому-то конкретному? У нас есть фонд кафедры истории медицины, там много полевых отчётов, дневников врачей...

Я покачала головой:

— Нет, я просто... пытаюсь понять одну вещь.

Она кивнула, будто этого было достаточно, и через минуту протянула мне папку с пожелтевшими бумагами.

В тот вечер я сидела у окна, разложив перед собой копии документов, выписки из отчётов санитарных врачей, сухие строчки про сырость, про нары в три яруса, про нехватку белья. И среди них вдруг наткнулась на строчку, от которой у меня похолодели пальцы: упоминание о вспышке кожных поражений в одном из эвакуационных пунктов. Пункт этот находился как раз там, где сейчас стоял старый жилой квартал — буквально в десяти минутах ходьбы от моего дома.

Я достала карту, которую мельком видела в автобусе, и начала сопоставлять. Точки, отметки, маршруты — и вдруг поняла, что не могу остановиться. На следующий день я пришла в университетский архив, потом — на кафедру микробиологии, где робко постучала в дверь и рассказала о том, что нашла.

Там меня встретила та самая женщина из автобуса — учёная с папкой. Она сначала не узнала меня, а потом вдруг прищурилась, будто что-то щёлкнуло.

— Вы та девушка из автобуса, — сказала она не как вопрос, а как факт.

Я кивнула, чувствуя, как горят уши.

— Я кое-что нашла. В архивах. Про эвакуационный пункт. И про вспышки...

Женщина помолчала, потом улыбнулась — не широко, а так, как улыбаются, когда видят, что кто-то наконец понял, о чём речь.

— Знаете, наука часто начинается не с гениальной идеи. А с того, что кому-то стало не всё равно.

И вот так я стала помогать: разбирать старые записи, переносить данные в таблицы, искать пересечения. Это было не похоже на то, что я ожидала от столицы и от университета. Здесь не было блеска и торжественности. Были папки, пыль, долгие разговоры, споры о формулировках и моменты, когда вдруг сходились две строчки из разных документов — и становилось ясно: прошлое действительно оставило след.

Параллельно с этим, по вечерам, когда город затихал, а в квартире становилось тихо, я садилась за ноутбук и открывала пустой документ. Тот подслушанный разговор про «я буду рядом» и воспоминания о маме вдруг сложились во что-то новое — в историю, которую я давно боялась начать.

Раньше мне казалось, что писать про реабилитацию, про страх упасть, про то, как трудно было делать первые шаги, — значит снова прожить всё это. Но теперь слова будто стали не воспоминанием, а чем-то вроде моста.

Я начала с самого простого: «Мама не торопила. Мы считали фонари». Потом добавила про обледенелую ступеньку, про рукав пальто, про минуту, когда можно было просто посидеть. И вдруг поняла, что эти детали не делают историю тяжелее — они делают её настоящей.

Однажды я показала несколько страниц соседке по лестничной клетке — пожилой женщине, которая всегда здоровалась со мной, но мы почти не разговаривали. Она прочитала, помолчала, а потом сказала:

— Знаешь, иногда самое важное в жизни — это не великие подвиги. А то, что кто-то просто посидел рядом, когда тебе страшно.

Эти слова странным образом перекликались и с разговором студентов под дождём, и с работой над архивами: будто все эти истории говорили об одном и том же, только на разных языках.

А потом случилось нечто, что соединило оба пути. В одной из старых медицинских сводок я наткнулась на упоминание о том, как в эвакуационных госпиталях старались беречь силы даже самых слабых пациентов: не гнали вперёд, давали передышку, учили опираться не только

на ноги, но и на людей рядом. И в этой сухой, почти безличной фразе я вдруг увидела отражение маминого «можно посидеть минуточку».

Как будто история повторялась на разных уровнях: в масштабе страны, в масштабе города, в масштабе одной маленькой семьи. И университет, этот шумный, вечно спешащий «храм науки», оказался местом, где все эти линии могли встретиться — где сухие цифры из архивов могли вдруг отозваться в чьей-то личной памяти и сделать её чуть светлее.

Теперь, глядя из окна на огни университета, я уже не просто видела в них свет. Я видела в них множество голосов: учёных, врачей, простых людей, которые когда-то поддерживали друг друга. И понимала, что тоже нашла своё место в этом хоре — место, где можно и искать следы прошлого, и рассказывать о своём, и знать, что это важно.

Я стояла у окна своей съёмной квартиры и смотрела на привычную громаду университета — каменные колонны, тяжёлые ступени, фонари, которые зажигались ровно в семь. Всё было как всегда... до того самого мгновения.

Сначала я подумала, что это игра света. Сумерки сгущались, и тень от соседнего дома будто накрыла здание целиком. Но потом поняла: дело не в тени. Университет просто... перестал быть. На его месте осталась ровная площадка, будто его никогда и не строили. Даже брусчатка выглядела так, словно её укладывали поверх пустого места.

По улице прокатился не крик — скорее общий вздох. Люди замерли. Кто-то выронил сумку, кто-то прижал ладонь к груди, будто проверяя, бьётся ли сердце. И в этой тишине вдруг раздался голос — не громкий, но такой отчётливый, что его услышали все, кто стоял рядом:

— Его нет. Его просто нет.

Кто-то рядом пробормотал: — Может, это оптическая иллюзия? Или у меня с глазами что-то...

— У всех с глазами что-то, что ли? — резко отозвался мужчина в пальто, сжимая в руках папку с бумагами.

Вокруг начали переговариваться, голоса накладывались друг на друга, становились громче. — Это какой-то эксперимент! — А если это знак? — Да это просто обман зрения, сейчас пройдёт...

Но не проходило.

Ко мне подошла пожилая женщина, которая каждый день сидела на скамейке у входа в университет и кормила голубей. Её руки дрожали. — Я тут сорок лет сижу, — прошептала она. — Каждый день. Видела, как студенты бегут на пары, как профессора выходят покурить за угол. А теперь... будто вырезали кусок города. Как будто у меня память стёрли.

Я хотела её успокоить, сказать что-нибудь простое и понятное, но слова не находились. Вместо этого я просто взяла её за руку.

И тут по толпе прокатилось новое ощущение — не страх даже, а растерянность, от которой становилось холодно. Университет был не просто зданием. Он был точкой отсчёта: отсюда начинались маршруты, здесь назначали встречи, тут сверяли часы. Теперь этой точки не стало, и город будто сбился с ритма.

Из переулка выбежал парень в куртке с капюшоном — один из тех, кто вечно спешил на лекции. — Где он?! — кричал он, оглядываясь по сторонам. — Я только что оттуда! Я вышел пять минут назад!

Прошло несколько месяцев. Город не просто пришёл в себя — он будто заново научился дышать. В университетах открывали новые курсы, где учили не только формулам, но и тому, как замечать противоречия, как задавать неудобные вопросы и не бояться, если ответа нет. На стенах всё чаще встречались надписи: «Спрашивай», «Сомневайся», «Помни». Паутина грибка окончательно осыпалась, и даже старые коридоры теперь пахли не пылью, а мелом и кофе из соседней столовой.

А дневник Красина тем временем пересёк океан.

Он попал в руки молодой исследовательнице из Стэнфорда — её звали Майя. Она занималась когнитивными науками и как раз писала работу о том, как среда влияет на память: как улицы, здания и даже запах кофе в одном и том же кафе помогают нам удерживать прошлое. Дневник Красина показался ей сначала художественной метафорой, но чем дальше она читала, тем сильнее холодели пальцы. Слишком многое совпадало с тем, что она видела в своих экспериментах: как люди, живущие в «упрощённых» пространствах — однотипных районах, безликих офисах, без деталей и зацепок, — быстрее теряли связь с собственными воспоминаниями.

Майя показала дневник своему профессору, а тот — своим коллегам. И в Кремниевой долине, где привыкли измерять успех метриками, вдруг начали задавать вопросы, которые раньше казались «непрактичными»: а что, если сложность — это не помеха, а ресурс? Что, если способность помнить и видеть связи — это навык, который можно развивать, как любой другой?

В одной из технологических компаний, которая годами делала продукты «максимально простыми, чтобы разобрался каждый», произошёл тихий переворот. Их главный дизайнер, человек, который когда-то гордился тем, что «убирает всё лишнее», прочёл письмо ассистента Красина про «удобное равнодушие» — и не спал три ночи подряд. Потом он пришёл к руководству и сказал:

— Мы не должны делать мир плоским. Мы должны помогать людям замечать детали. Пусть интерфейс будет чуть сложнее, если это значит, что человек будет думать, а не скользить по привычному.

И компания, к удивлению многих, не уволила его, а дала команду. Они запустили экспериментальный проект: приложение, которое не «упрощало» реальность, а помогало её фиксировать. Оно предлагало не «быстрый ответ», а цепочку вопросов: «Что ты видишь? Что напоминает? Что изменилось с прошлого раза?» Это было непривычно, местами даже раздражающе — но через месяц команда заметила странную вещь: пользователи стали возвращаться к приложению не ради результата, а ради самого процесса. Они начали замечать мелочи: как меняется свет в парке, как по-разному звучит дождь в разных районах, как одно и то же слово в разные дни вызывает разные воспоминания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.